

**Ф. М. Ахмедова**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

А. А. Корнилов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Рецензия на книгу: *Бигиев, Муса. Концепция исламского научного университета /Духовное упр-е мусульман РФ; Моск. ислам. ун-т; под общ. ред. Д. В. Фролова, Д. В. Мухетдинова; пер. с араб., введ. и коммент. И. А. Зарипова. — М.: ИД «Медина», 2024. — 68 с. (Серия: «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление» («Наследие Мусы Бигиева»)).*

АХМЕДОВА Фатима Магомедовна —

ст. преп. каф. зарубежного регионоведения и локальной истории.

Институт международных отношений и мировой истории

Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского
(603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2).

E-mail: rnkaano@bk.ru

КОРНИЛОВ Александр Алексеевич —

д-р ист.наук, проф., зав. каф. зарубежного регионоведения и локальной истории.

Институт международных отношений и мировой истории

Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского
(603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2).

E-mail: kotva64@mail.ru

Для цитирования: *Ахмедова Ф. М., Корнилов А. А. Рецензия на книгу: Бигиев, Муса. Концепция исламского научного университета / Духовное упр-е мусульман РФ; Моск. ислам. ун-т; под общ. ред. Д. В. Фролова,*

Д. В. Мухетдинова; пер. с араб., введ. и коммент. И. А. Зарипова. — М.: ИД «Медина», 2024. — 68 с. (Серия: «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление» («Наследие Мусы Бигиева»)).

Книжная серия «Наследие Мусы Бигиева» пополнилась новым изданием: вышла в свет «Концепция исламского научного университета». Книга издана Духовным управлением мусульман Российской Федерации, Московским исламским институтом и Центром исламских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Как отмечает во вступительном слове ректор Московского исламского института, доктор теологии, профессор СПбГУ Дамир Ваисович Мухетдинов, с самого начала проект осуществлялся с доброго благословения муфтия шейха Равиля Гайнутдина — председателя Духовного управления мусульман РФ, а финансирование издания взял на себя Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования.

Книга состоит из трех основных частей:

1. Вступительное слово ректора МИИ Д. В. Мухетдинова.
2. Составленное кандидатом исторических наук Исламом Зариповым, переводчиком оригинального текста М. Бигиева, «Введение. Как подготовить современного муджтахида согласно Бигиеву?»
3. Текст концепции М. Бигиева, переведенный с арабского на русский язык.

Все три части книги взаимно дополняют друг друга и необходимы для правильного понимания идей, предложенных российским теологом М. Бигиевым будущим поколениям исламских теологов, ученых, педагогов, студентов.

Во вступительном слове профессор Д. В. Мухетдинов подчеркивает, что Муса Джаруллах Бигиев (1875–1949 гг.) относится к плеяде замечательных теологов, которые продвигали джадидские образовательные проекты XIX–XX веков. К представителям джадидского направления относятся первую очередь Мухаммад Абдо, Мухаммад Рашид Рида, Мухаммад Икбал, а также выдающийся российский теолог, педагог, ученый-востоковед Хусаин Фаизханов. Джадидизм не был провинциальным феноменом (с. 11), отмечает Д. В. Мухетдинов, а отражал солидарную позицию деятелей уммы разных стран применительно к обновлению процесса исламского образования. Концепция университета, написанная М. Бигиевым, — это не умозрительные упражнения сидевшего в кабинетах и библиотеках мыслителя. Татарский просветитель лично посетил исламские страны и территории и с сожалением увидел, как преподают и работают шариатские суды в Бухаре, Каире, Мекке, Медине, Стамбуле. Публикуемый в книге труд

М. Бигиева был попыткой убедить мусульман в ошибочном подходе к знанию: «Мусульмане утратили само творческое отношение к знанию, — пишет Д. В. Мухетдинов, — утратили дерзость разума своим умом и тягу к постоянному просвещению — вот в чем корень настоящей проблемы. Говоря образно, мусульмане стали носителями по преимуществу «мертвого знания»» (с. 10).

Д. В. Мухетдинов, сам в течение многих лет являющийся практиком-просветителем, педагогом и ученым, выражает надежду, что концепция М. Бигиева когда-нибудь воплотится в российском исламском образовательном пространстве. Университет, вырастающий на базе концепции, мог бы стать «местом подготовки творчески мыслящей и активной элиты, занятой непрерывным образованием на протяжении всей жизни и работающей на благо уммы и всего человечества», — указывает Д. В. Мухетдинов. Мечта М. Бигиева не может не отозваться в сердце всякого мыслящего мусульманина. «И не только мусульманина», — добавим мы, ведь развитие мусульманского образования вносит позитивный вклад в общее научно-образовательное пространство и атмосферу конфессионального сотрудничества Российской Федерации.

Большую ценность представляет раздел книги «Введение». Переводчик оригинального текста концепции, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН, канд. ист. наук Ислам Амирович Зарипов дает читателю ряд пояснений, необходимых для более ясного понимания идей М. Бигиева. Прежде всего следует знать, что автор концепции университета не только посетил исламские вузы за рубежом, но учился в русской гимназии, среднеазиатских медресе, был вольнослушателем Санкт-Петербургского университета (с. 13). Продолжительный опыт обучения и самообразования, затем научные поездки дали М. Бигиеву уникальную возможность заняться компаративистикой систем образования и научных изысканий и сделать выводы о том, каким образом следует готовить будущих муджтахидов.

М. Бигиев видел крайне важной подготовку нового поколения богословов, отмечает И. Зарипов. Эти новые муджтахиды были призваны взять на себя ответственность по вынесению богословско-правовых заключений (решений), отвечающих современным потребностям мусульманского сообщества (с. 14–15). Процесс обучения и подготовки муджтахидов, согласно концепции М. Бигиева, состоял из трех блоков дисциплин. Первый блок включал изучение арабского языка: лексики, морфологии, синтаксиса, риторики и стихосложения.

Второй блок предполагал изучение Священного Писания и сборников хадисов. На третьем этапе М. Бигиев приглашал перейти к изучению собственно богословия и мусульманского права. Переводчик концепции университета И. Зарипов наглядно изложил блоки дисциплин

в таблице (с. 16–18) — очень удобном «помощнике» для тех студентов и преподавателей, которые пожелают глубже познакомиться с проектом М. Бигиева. Совершенно справедливо И. Зарипов остановился в своей характеристике текста на таком элементе концепции, как необходимость изучения Библии, текстов Ветхого и Нового Заветов. Казалось бы, зачем будущим муджтахидам изучать Библию? И. Зарипов дает пояснение: для лучшего понимания Корана, в котором содержатся истории и заповеди из обеих частей Библии.

В третьей части книги публикуется сам трактат М. Бигиева *Низам ал-джамми'а ал-исламийа ал-'илмийа* («Исламский научный университет»), изданный в индийском Бомбее в 1946 году, в переводе И. Зарипова на русский язык.

Читая текст М. Бигиева, мы узнаём, что татарский богослов нашел духовную причину крушения мусульманских государств. Отход от истинных путей познания, от верного пути вхождения мусульман в цивилизованный мир привел к мощным социально-политическим потрясениям XX столетия. М. Бигиев видел очень хорошие школы в Индии, но видел и «чудовищную» разницу, отличавшую их от государственных университетов, при этом «попечители и все преподаватели религиозных школ пребывают в беспечности» (с. 26). Поэтому самой важной функцией мусульманского профессорско-преподавательского состава является реформирование (*ислах*) системы образования и усовершенствование качества преподавания наук в религиозных школах.

Текст концепции в деталях сообщает о взглядах М. Бигиева на формирование и развитие новой мусульманской высшей школы (университета). Выделим здесь два важнейших принципа функционирования университета. Первый — соблюдение порядка преподавания исламских наук, а именно: изучение филологических дисциплин должно предшествовать изучению религиозных наук. Второй принцип: каждую науку и каждую дисциплину нужно изучать последовательно и в полном объеме. Нельзя ограничиваться чем-то и сокращать какие-то вопросы (с. 28–29).

Среди приоритетных задач учебной программы М. Бигиев ставил понимание смысла Священного Корана. Как найти ключ к пониманию Корана? «Основа в понимании смысла Священного Корана — это познание его строя (*назм*) — строя и слога самого Священного Писания, а не чьего-то мнения или того, что содержится в книгах преданий (*ахадис*)», — подчеркивал богослов (с. 33). Это указание отражало не обыкновенное, не случайное происхождение Корана, и понимание строя и слога, следовательно, помогало лучше и основательнее понять тексты Священного Писания.

В описании учебных задач мы встречаем внимательное отношение М. Бигиева к изучению астрономии и к персидскому языку (с. 36–37).

По его словам, изучение звездного неба является научной и религиозной обязанностью каждого мусульманского ученого. Изучая небо, богослов получает дополнительные разъяснения смысла Священного Писания о небесах и звездах, об устройении небосвода, о сотворении мира. Что касается языка фарси, то, поскольку большая часть книг, написанных учеными-мусульманами, по философии, суфизму, литературе, различным наукам написана на персидском языке, в исламском университете необходимо изучать этот язык. («Без этого знание будет неполным»).

Перевод И. Зариповым трактата дает нам и объяснение, почему М. Бигиев рекомендовал тщательно изучать Ветхий и Новый Заветы. Сам богослов приводил такие аргументы в пользу изучения Заветов:

1. «Студенты не могут оставаться в неведении относительно этих книг, ведь Священное Писание, т. е. Благородный Коран, приводит много историй из обоих Заветов. Во многих айатах упоминаются заповеди из обоих Заветов, а другие айаты, и их не мало, содержат дополнение к историям и установлениям, содержащимся в обоих Заветах» (с. 38).

2. «Следует принимать книги обоих Заветов такими, какие они есть сейчас во всех переводах. Мы их принимаем как общую платформу для нас и для людей Писания. Ведь они показывают достоинства Священного Писания, т. е. Благородного Корана» (с. 39).

3. «Изучение этих предметов обязательно, причем не для того, чтобы вести споры с людьми Писания, а для того, чтобы понять смысл сотен айатов Священного Писания (Корана)» (с. 40).

В завершение отметим, что книга М. Бигиева продолжает нужную для исламоведения и востоковедения России традицию, заложенную Издательским домом «Медина», печатать исторические документы (источники). Широкая читательская аудитория — ученые, студенты, аспиранты, мусульмане и представители других конфессий России — могут в оригинале познакомиться с идеями выдающегося татарского просветителя, признанными во всем исламском мире. Публикация трактата М. Бигиева имеет и прикладную ценность: джадидские идеи продолжают вызывать искренний интерес религиоведов российских вузов, стремящихся познать динамичные процессы развития, имевшие место быть в исламской умме России.